

Апостол любви на Тверском бульваре

Послесловие к «Оптимистической трагедии»

Сергей Разгонов

Самое старое здание на Тверском бульваре — церковь Иоанна Богослова. Возраст ее почтенный — три с половиной века, она помнит башни Белого города, тесную и шумную Бронную слободу, где на каждом углу слышен звон кузнечных молотов: куют сабли, палаши, кольчуги.

В свой час исчезли Белый город и Бронная слобода, зато появился Тверской бульвар, на который весело выглянула церковь Иоанна Богослова.

Церковь изначально была приходской, только прихожане менялись. На месте бывшей слободы стала селиться московская знать, статская и военная. А в конце прошлого века Бронная и прилегающие переулочки превратились в квартал университетской молодежи, которая, надо думать, в церковь не часто ходила, но церковь Иоанна Богослова поминала часто, судя по словам попу-

лярной в то время студенческой песни:

...а Иван Богослов
с высоты облаков
все глядит на нас,
улыбается...

Церковь была уютная, домашняя, мягких певучих очертаний. С начала XVII века в ней обитала икона Иоанна Богослова, дар первого из Романовых царя Михаила Федоровича. Добрый свет посылала она долгие годы, ведь Иоанн Богослов по праву назван апостолом любви. Это его слова: “Бог есть любовь”... Наверное, поэтому студентам казалось, что он им “с высоты облаков улыбается”.

Эту улыбку не заметили те, кто в советское время решал судьбу церкви. А решали ее не партийные функционеры, не разбушевавшаяся уличная чернь. Еще до революции по соседству с Иоанном Богословом возник

Тверской бульвар выходил к Страстному монастырю, как на этой старой открытке

театр. Церковное начальство возражало, но, видимо, не очень энергично, да и время было не для тяжбы: началась первая мировая война. Театр прижился и существовал себе тихо рядом: Богу — Богово, а кесарю — кесарево...

Кесарем оказался знаменитый режиссер Таиров, а театр был Камерный. Впрочем, не такой уж и камерный. Революция сильно изменила положение соседей: театр почувствовал себя хозяином и двинул "Оптимистическую трагедию" против апостола любви. В начале 30-х годов руководство театра (неужели сам Таиров?!) обратилось к московским властям с просьбой сломать церковь для расширения театра: ведь негде хранить декорации!

Начальство долго уламывать не пришлось: оно пошло навстречу революционному театру. Сначала, правда, маленько пограбили: отобрали все серебро, иконы в богатых окладах. Наверное, тогда исчезла и икона Иоанна Богослова. Где она, никто толком не знает. Говорят, спасли ее добрые люди и до сих пор находится она в одном из московских храмов. Так ли это, кто теперь скажет?

Схватка между церковью и театром закончилась в духе времени. Дивное пятиглавие срубили, апсиду сломали, стену проломили так, чтобы декорации могли свободно проходить. Даешь авангард!

С колокольни сбросили колокол, чтобы ненароком не нарушал высокого пафоса "Оптимистической трагедии", которой так прославился Камерный театр. На спектакль приезжали большие советские начальники, они с удовольствием отмечали свое идеологическое торжество: рядом была церковь и нет ее, без куполов и крестов, под четырехскатной крышей — какая же это церковь? Зато у театра теперь есть свой столярный цех и декорации не мокут под дождем.

"После разборки глав, апсиды четверика, утраты зонта над входом и ограды, пробивки уродующих здание громадных проемов церковь как памятник архитектуры перестала упоминаться во всех современных путеводителях по столице", — так уныло заключала историческая справка, подготовленная архитекторами-реставраторами несколько лет назад.

Такой мы и помним ее: обезглавленной, робко прижавшейся к чудом уцелевшей колокольне. А было время, о ней писали все московские путеводители, в десятках архивов ее долгая жизнь была заверена безмянными нотариусами от истории, знавшими даже имена попа Фомы, дьякона Ильи, дьячка Антипки, которые служили здесь в 1669 году.

Какой-то безродный Антипка на страницах церковной метрики соседствует с царем Михаилом Федоровичем, патриархом,

На месте снесенной церкви Дмитрия Солунского построили дом, где теперь магазин "Армения"

Москва.
Moscou,

Страстной монастырь.
Couvent Strastnoi

Ныне на этой площади — кинотеатр
“Россия”

освящавшим предел Николая Чудотворца, со знаменитым митрополитом Филаретом. Перед архивом все равны.

Свидетелями разорения церкви Иоанна Богослова стали Осип Мандельштам и Андрей Платонов, жившие в соседнем доме. Жена Мандельштама даже оставила записки о том, как это было. Но никто не в силах остановить неизбежное. И то счастье, что театр не разрушил церковь до основания, а лишь покалечил ее. Трудно с позиций нашего времени судить о том, что произошло в тридцатые годы. И наверно, никого не надо осуждать. Есть высший суд. Каждому воздастся по делам его.

Обратим лишь внимание на символичность тех давних событий, когда на крохотном пятачке земли столкнулись два вечных соперника в борьбе за души людей: церковь и театр. Театр легко победил, но не силой слова, а грубой силой топора, при полной поддержке власти, которая имела глупость соседние Патриаршие пруды переименовать в Пионерские, которая мечтала построить новый Вавилон на месте храма Христа Спасителя, а сумела лишь выкопать большую яму для зловонного бассейна.

Это была пиррова победа и театр не мог заполнить образовавшейся пустоты в человеческом сердце. Изюм всех сил старался, но не мог! Это место по праву принадлежало апостолу любви.

Почти одновременно с унижением

Иоанна Богослова рухнули стены Страстного монастыря, к чему призывал “трибун революции” В.В.Маяковский. Рядышком на углу Тверского бульвара и Тверской улицы, где сейчас магазин “Армения”, стояла любимая москвичами красивейшая церковь Дмитрия Солунского, ее тоже пустили “под нож”, срубили до фундамента. Церковь Большого Вознесения у Никитских ворот закрыли, проломали стену, устроили гараж. Это только на одном Тверском бульваре, а сколько по Москве было таких опустошений...

После тотальной чистки тридцатых годов Москва стала другим городом. Теперь в ней господствовали театр, цирк, эстрада, руководимые партией. А партия была сурова с идеологическими отступниками, в числе которых рано или поздно должен был оказаться Камерный театр. Вскоре после войны его признали гнездом формализма и закрыли, что стало причиной смерти главного режиссера. На обломках Камерного театра создали новый театр — имени Пушкина, который и поныне живет на Тверском бульваре. Новый театр унаследовал все, чем владел прежний, в том числе и столярный цех в церкви Иоанна Богослова. Правда, не унаследовал популярность предшественника. Должно быть, именно это обстоятельство побудило администрацию театра воздвигнуть целый рекламный бастион, иначе трудно назвать нелепое сооружение из гранита и стеклянных витрин, которые напрочь закрыли

перспективу на церковь Иоанна Богослова. А всего-то надо было на углу Богословского переулка и Тверского бульвара поставить классическую театральную тумбу.

Впрочем, творцы этого сооружения преследовали не только рекламные цели. Наверное, понимали, что неприглядный вид изуродованной церкви рано или поздно обратит на себя внимание сограждан. Любые вопросы по этому поводу были бы весьма неприятны почтенному театру. Лучше скрыть дела давно минувших дней. По этой же причине возникли совсем уже театральные декорации — фанерный задник, изображающий трапезную XVII века. Издали посмотришь — ну, просто чудо как сохранилась древняя архитектура в заботливых руках. На самом деле смысл этого иллюзиона был оскорбительно прост: за фальшивой стенкой, названной епископом Арсением потемкинской деревней, был спрятан обыкновенный хозяйственный хлам, который не поместился в храм. Простите за невольную рифму, в ней вижу жуткую символику прошедших лет, когда между словами “храм” и “хлам” легко ставили знак равенства.

С точки зрения тех, кто во имя ложной идеи уничтожал храмы, лучше было бы их сносить до основания и ставить на их месте постройки новой, социалистической архитектуры. Нету здания — нет улик. Кто через

полвека вспомнит? Кому придет в голову сносить огромный дом вместе с магазином “Армения”, чтобы вернуть на законное место церковь Дмитрия Солунского? Не зря руководство Камерного театра в тридцатые годы хлопотало о сносе церкви Иоанна Богослова: не пришлось бы сегодня краснеть за былые грехи. Товарищи из Моссовета дали промашку!

Но, как говорили мудрые римляне, “времена меняются и мы меняемся вместе с ними”. Настал день, когда туман обязательного атеизма рассеялся и церкви было возвращено ее достоиние. Пришлось театру вытаскивать декорации на двор. Поистине трагедия оказалась с оптимистическим концом... Молодой священник отец Андрей начал службу в обезглавленном храме, среди пустых, ободранных до кирпича стен. Но первые прихожане были счастливы, они уже и не чаяли встретиться здесь с апостолом любви.

Как рассказывает о. Андрей, встреча с изуродованным храмом повергла его в ужас. Приговор специалистов был суров: нужно много лет, чтобы вернуть храму благолепие.

А дальше все было, как в сказке: однажды к отцу Андрею пришла Нина Анатольевна Орешко и предложила солидную и бескорыстную помощь Инкомбанка в скорейшем восстановлении церкви Иоанна

Церковь Иоанна Богослова восстановили из руин за несколько месяцев

Троица. Икона написана для церкви Иоанна
Богослова А.Лавданским. 1996

Светлый миг Крестовоздвижения

Богослова¹. Через несколько дней, в феврале 1996 года, начала работать бригада каменщиков. У Нины Орешко уже был опыт возрождения церкви Всех Святых на Кулишках, которая отныне блистает своей красотой на виду у всей Москвы. Но никто не думал, что под ее началом на средства Инкомбанка за каких-нибудь десять месяцев Иоанн Богослов будет почти полностью восстановлен: свежей медью горит его пя-

¹ О деятельности Н.А.Орешко и возглавляемого ею Фонда возрождения и сохранения традиций русской Православной церкви читайте в первом очерке этого номера.

тиглавие, золотится крест над приделом Николая Чудотворца, колокол призывно гудит, стены зачищены и выбелены, резной золоченый иконостас сверкает лаком новописанных икон, горят негасимые свечи, дивно поет хор.

Радостью светилось лицо патриарха Алексия II, когда он осматривал храм. Чудом наших дней назвал он его воскресение к новой жизни. Об иконостасе в Никольском приделе Его Святейшество сказал: "Перед ним будут молиться многие поколения русских людей и сам он когда-нибудь, через века станет нашей святыней..."

Для церковной метрики называю точный день, когда патриарх посетил церковь Иоанна Богослова: 11 декабря 1996 года. В тот день состоялась передача купленных Инкомбанком старых, намоленных икон храму. Среди них и Иоанн Богослов, взамен исчезнувшего дара царя Михаила Федоровича. Здесь же патриарх вручил орден равноапостольного Владимира президенту Инкомбанка Владимиру Виноградову, которого по справедливости назвал выдающимся меценатом нашего времени. А на следующий день в патриархии состоялось награждение Нины Орешко орденом равноапостольной Ольги.

Этим событиям предшествовало, может быть, самое главное в жизни церкви Иоанна Богослова: освящение пятиглавия и крестовоздвиженья. Случилось это, опять же для церковной метрики, 2 декабря. День был ясный, солнечный, словно в марте. Рабочие бережно запеленали освященные владыкой Арсением пять крестов, чтобы ненароком не поцарапать золото. Затаив дыхание, мы снизу смотрели, как на канате в синее небо поплыл самый большой крест. Мощно ударил колокол. Люди на Тверском бульваре останавливались, удивленные непривычным для здешних мест звуком, многие крестились. В светлый волнующий миг крестовоздвиженья церковь Иоанна Богослова вернула себе все свои земные и небесные права — она снова стала Церковью.

После долгого изгнания Апостол любви вернулся на Тверской бульвар, в свой старый уютный храм, который залечил раны и все простил обидчикам.